УДК 008

И. В. Леонов https://orcid.org/0000-0003-0026-3807
И. В. Кириллов https://orcid.org/0000-0003-3401-1798

Следы военного опыта на артефактах: критерии определения ценности и практики сохранения

Для цитирования: Леонов И. В., Кириллов И. В. Следы военного опыта на артефактах: критерии определения ценности и практики сохранения // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 6 (117). С. 189-198.
DOI 10.20323/1813-145X-2020-6-117-189-198

Первая часть статьи посвящена изучению особой группы историко-культурных артефактов, которые несут на себе следы воздействия войн и вооруженных конфликтов. Указанные «шрамы» истории являют собой достаточно противоречивое явление, с одной стороны, искажая памятник, а с другой – дополняя и даже усиливая материальную форму и ценностно-смысловую ауру артефакта. В рамках настоящей статьи предпринята попытка изучения ценностно-смысловой природы данных шрамов и ментально-психологических особенностей их восприятия; рассматриваются в том числе и архетипические основания, которые лежат в основе специфического восприятия военных «шрамов» на памятниках историко-культурного наследия.

В отношении представленной группы памятников существуют различные практики работы по части их выявления, сохранения, реставрации, экспонирования и популяризации; среди таковых выделяются практики, направленные на «стирание» шрамов, полученных памятниками в ходе историко-культурных коллизий; также существуют практики сохранения указанных следов воздействия истории; кроме того, находят проявления практики фрагментарного сохранения военных шрамов на артефактах. Статья содержит ряд конкретно-исторических примеров реализации данных практик, включая как отечественный, так и зарубежный опыт работы с культурным наследием; рассмотрена также историческая эволюция практик работы со «шрамированными» памятниками. Отдельное внимание обращается на гуманитарно-технологические особенности популяризации «шрамированных» артефактов как «мест военной памяти»; поднимается вопрос о значении этой деятельности для национальной коммеморативной политики, для сохранения и межпоколенной трансляции системообразующих ценностно-смысловых установок отечественной культуры. Во второй части статьи основное внимание будет уделено изучению практик работы с памятниками историко-культурного наследия со следами военного опыта – с опорой на экспозицию и опыт Центрального военно-морского музея им. императора Петра Великого (г. Санкт-Петербург).

Ключевые слова: артефакт, памятник, война, Великая Отечественная война, историко-культурное наследие, архетип, «шрам истории», «патина времени», «многослойный» артефакт, место памяти.

I. V. Leonov, I. V. Kirillov

Traces of military experience on artifacts: criteria for determining the value and practice of conservation

The first part of the article is devoted to the study of a special group of historical and cultural artifacts that bear the traces of the impact of wars and armed conflicts. These «scars» of history are a rather contradictory phenomenon, on the one hand distorting the monument, and on the other, often supplementing and even strengthening the material form and value-semantic aura of the artifact. Within the framework of this article, an attempt is made to study the value-semantic nature of these scars and the mental and psychological characteristics of their perception; the archetypal foundations are also considered, which underlie the specific perception of military «scars» on the monuments of historical and cultural heritage. With regard to the presented group of monuments, there are various work practices in terms of their identification, preservation, restoration, exhibiting and popularization; among these, there are practices aimed at «erasing» the scars received by monuments in the course of historical and cultural collisions; there are also practices of preserving these traces of the impact of history; in addition, the practice of fragmentary preservation of war scars on artifacts finds their manifestation. The article contains a number of specific historical examples of the implementation of these practices, including both domestic and foreign experience of working with cultural heritage; the historical evolution of the practices of working with «scarred» monuments is also considered. Special attention is paid to the humanitarian and technological features of the popularization of «scarred» artifacts as «places of military memory»; the question is raised about the significance of this activity for national commemorative policy, for the preservation and intergenerational

transmission of the system-forming value-semantic attitudes of the national culture. In the second part of the article, the main attention will be paid to the study of the practice of working with monuments of historical and cultural heritage with traces of military experience – based on the exposition and experience of the Central Naval Museum after the Emperor Peter the Great (St.-Petersburg).

Keywords: artifact, monument, war, Great Patriotic war, historical and cultural heritage, archetype, «scar of history», «patina of time», «multi-layered» artifact, place of memory.

В ряду различных артефактов историко-культурного наследия существует особая группа памятников, биографии которых связаны с войнами и вооруженными конфликтами. Многие памятники, входящие в эту группу, несут на себе материальные и нематериальные следы воздействия указанных перипетий истории в виде различных утрат, искажений и дополнений. Работа с данными объектами нередко сопряжена с решением проблемы сохранения или ликвидации таких следов, что порой рождает достаточно спорные ситуации в отношении определения стратегий их консервации, реставрации, воссоздания, хранения и экспонирования.

В основе возникновения указанной проблемы лежит неопределенность со статусом и исторической ценностью военных «шрамов» на памятниках. С одной стороны, данные «следы» истории противоречат природе многих памятников, искажая их. Соответственно, как в научно-экспертном сообществе, так и в обывательской среде широко распространены представления, что такие отметины должны ликвидироваться, а памятнику необходимо возвратить его эталонное состояние. С другой стороны, «патина времени» нередко обладает особой ценностью, свидетельствуя об исторической судьбе артефакта, перипетии которой, порой трагичные, во многом усиливают его «смысловую ауру», а также материальную форму – даже при наличии шрамов, искажений и утрат. Артефакт, пострадавший в войнах или ставший свидетелем военных страданий, наделяется новым значением, которое порой существенно дополняет изначальный статус памятника либо становится первостепенным в понимании природы памятника. В итоге возникает своеобразный парадокс, выраженный в том, что артефакт обретает особую ценность через калечащую его метаморфозу, – след «страдания» становится органичной частью памятника, порой невероятно усиливая его.

Военные «шрамы» на многих памятниках историко-культурного наследия присутствуют и обнаруживают себя и в наши дни. До сих пор некоторые здания, мосты и набережные городов России содержат следы повреждений, нанесенных немецкими обстрелами и бомбардировками в период Великой Отечественной войны. При этом наличие подобных отметин рождает дискуссионные вопросы: *Что делать с такими следами? Какова их ценностно-смысловая природа? Как проявляются ментально-психологические особенности их восприятия? Сохранять или «стирать» шрамы войны, особенно когда их остается все меньше? Каковы практики реставрации, консервации, сохранения и экспонирования указанных памятников? В чем выражены критерии экспертной оценки повреждений на памятниках как фактора, усиливающего либо уменьшающего их ценность? Могут ли данные следы использоваться в культурно-просветительских и образовательных целях?*

Обращаясь к отечественному опыту в данной сфере, необходимо указать, что в 1940-1960-х гг., когда города восстанавливались после военной разрухи, *следы войны в основном ликвидировались*. Поколение людей, которое прошло и помнило войну, старалось преодолеть ее материальные проявления, преимущественно стерев их, наладить мирную жизнь и быт, храня вместе с тем ужасы войны в памяти. Так, по словам Л. В. Бардовской, старшего научного сотрудника Государственного Музея-заповедника «Царское Село», «в Зубовском флигеле [Екатерининского. – прим. авт.] дворца, в старинных подвалах без окон, располагалось гестапо. Здесь допрашивали, пытали, и все стены помещения были исписаны кровью прощающихся с жизнью жителей города Пушкина. Когда город освободили, какой-то чиновник заставил все это смыть, все записи – даже не сфотографировав эти безмолвные крики о помощи. И мы не знаем имена людей, прошедших все эти пытки и эти круги ада» [«Как страшно … », 2020]. Подобных историй – относящихся и к Ленинграду, и к другим городам – можно привести немало…

В первые послевоенные десятилетия работа со многими памятниками культуры велась преимущественно с позиций уже отмеченной выше практики возвращения состояния, которое реставраторы принимали за эталонное (следуя положениям «Инструкции о порядке учета, регистрации и реставрации памятников архитектуры» 1949 г., предписывающей восстанавливать или

воссоздавать артефакт «в его первоначальной форме или в ином виде, в каком памятник находился на определенную научно обоснованную оптимальную дату» [Цит. по: Зверев, 2020]). Восстановление разрушенных и поврежденных памятников истории и культуры в Ленинграде началось еще во время войны и продолжилось после Победы. Например, в Петергофе Эрмитаж заработал в 1952 г., Монплезир – в 1961-м, Большой дворец – в 1964-м (и то не весь, а только первые четыре музейных интерьера: Портретный зал, Диванная, Коронная и Куропаточная гостиные). Воссоздание интерьеров главных царскосельских дворцов – Большого Екатерининского и Александровского – растянулось на долгие десятилетия: так, Лионский зал, закрытый 22 июня 1941 г., был вновь открыт для посещения только в 2019 г. [Магомедова, 2019]. Другой царскосельский дворец, Запасной, в 1950-х гг. был практически отстроен заново. Указанные работы в Ленинграде и его пригородах идут и в наши дни: к примеру, в ближайшие годы планируют восстановить Китайский театр в Александровском парке Царского Села.

Следует отметить, что порой следы войны невольно сохраняются даже в ходе реставрационных работ, направленных на возвращение эталонных состояний памятников. В этом плане обращают на себя внимание отметины войны, оставшиеся во многих петербургских пригородных дворцах. Например, на парадной лестнице Большого Екатерининского дворца в Царском Селе явственно видны следы ржавчины. Это отметины от кровельного железа, которое обвалилось с крыши дворца после обстрелов 1941 г. и пролежало на лестнице 28 месяцев – весь период оккупации. Пятна невозможно вывести, они остались на лестнице, по выражению Л. В. Бардовской, «как раны, на веки вечные» [«Кто заменит … », 2020]. Подобные отметины, противореча природе артефактов, на которые они были нанесены историей, нередко выступают усиливающим фактором, раскрывая перенесенные памятниками перипетии.

Тем не менее уже в первые десятилетия после войны стали проявляться и *официальные практики ее мемориализации посредством сохранения и консервации прямых следов*. Один из самых известных памятников такого рода – Брестская крепость, гарнизон которой в первые недели Великой Отечественной войны «исключительно упорно и настойчиво» [Отчет командира … , с. 391] сопротивлялся немецким захватчикам. Стены Брестской крепости содержат множество следов от снарядов, авиабомб, пуль и воздействия огнеметов; в музейных пространствах, которые ныне находятся в крепости, также представлены многочисленные артефакты со следами военного опыта: оружие, боеприпасы, предметы обмундирования, личные вещи участников обороны и т. п. Также в качестве примера можно назвать мемориальные доски, размещенные в Ленинграде в память о немецком артиллерийском терроре: во время блокады город подвергался интенсивным обстрелам, в результате которых погибло свыше 16 тыс. человек и был нанесен огромный материальный урон городу: пострадало множество памятников архитектуры, некоторые из них были безвозвратно утрачены. В память об этих бомбардировках на Исаакиевском соборе, Аничковом мосту и Спасе на Крови сохранены шрамы от снарядных осколков; рядом с этими отметинами размещены памятные доски (арх. В. Петров), на которых написано: «Это следы одного из 148 478 снарядов, выпущенных фашистами по Ленинграду в 1941-44 гг.». Подобная доска в 2015 г. размещена на здании Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина на Волхонке (г. Москва). Надпись на доске гласит: «В 1941 г. Музей неоднократно подвергался бомбардировкам немецкой авиации. 14 октября в 9 часов вечера фугасная бомба упала во дворе усадьбы Голицыных. Взрывной волной была полностью разрушена стеклянная кровля здания, и до 1944 г. залы Музея находились под открытым небом. Следы осколков сохранились на южном фасаде Музея на высоте 12 метров над этой табличкой».

Между тем стоит указать, что масштабы распространения рассматриваемых практик были не слишком значительными. В Ленинграде, к примеру, пострадало множество первостатейных архитектурных памятников – достаточно назвать Мариинский (Кировский) театр (в который попало больше 20 снарядов), Свято-Троицкий собор Александро-Невской Лавры, Инженерный замок [Гутенберг, 2020, с. 15-16], Гостиный двор, Павловские казармы, Кикины палаты, дом графини Лаваль, дом Адамини, дом Энгельгардта… Однако «военные шрамы» со всех этих зданий были стерты.

В данном случае необходимо указать, что след войны может иметь аксиологическую природу, создавая основу для «концентрации памяти» («руины, происхождение которых связано с потрясениями... обостряют чувство прошлого»

[Федоров, 2013, с. 8]). О наличии такой природы у военного шрама свидетельствует ряд примеров, когда вполне привычный, обыденный объект, получив подобный шрам, становился значимым памятником, который подвергался музеефикации. Купол Гэмбаку (г. Хиросима, Япония) до Второй мировой войны являлся выставочным центром торгово-промышленной палаты, а в годы войны в нем находились различные административные офисы. Во время американской атомной бомбардировки здание было частично разрушено; все люди, находившиеся в нем, погибли. После войны здание не было восстановлено, его укрепили и музеефицировали; ныне купол Гэмбаку внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Также в качестве примера можно назвать здание паровой мельницы Гергардта (Волгоград) – одно из трех сталинградских зданий (наряду со зданием Лабораторного корпуса, находящимся на территории завода «Красный Октябрь», и командным пунктом 138-й дивизии на острове Людникова), которые после войны не стали восстанавливать. В 1942 г. это строение находилось в эпицентре жестоких боев; на протяжении 58 дней бойцы 13-й гвардейской дивизии, находясь в полуокружении, обороняли мельницу. Стены этого здания хранят на себе многочисленные следы от снарядов, осколков и пуль, железобетонные балки повреждены прямыми попаданиями авиабомб. В настоящее время мельница Гергардта имеет статус объекта культурного наследия федерального значения и входит в состав Музея-панорамы «Сталинградская битва»; примечательно, что решение о сохранении мельницы в разрушенном виде было принято уже в 1940-х гг., сразу после окончания боев за город [Манаев, 2020]. Аналогичные объекты существуют и в других российских городах: так, в Воронеже сохраняется здание терапевтического конкурса областной клинической больницы, которое получило тяжелые повреждения во время боев 1942-1943 гг.

Рассматривая природу данных памятников, необходимо отметить, что они несут следы исторического опыта, являют собой своеобразную «зацепку памяти», ее материальное подтверждение, выступая проводниками в ушедшую, трагическую, но очень значимую реальность. Значимым и невероятно сильным в эмоциональном плане примером такого рода памятников является деревня Большое Заречье, которая находилась на территории современного Калитинского сельского поселения Волосовского района Ленинградской области. Эта деревня была уничтожена немецкими оккупантами в октябре 1943 г., при этом погибло (в основном были сожжены заживо) 66 человек, в том числе 19 детей. После войны деревня не была восстановлена; в 1971 г. на ее месте был создан мемориал (арх. Ф. Гепнер) – его основу составляют печи, кроме которых от деревни практически ничего не осталось. Побеленные печные остовы, стоящие посреди обычного для средней полосы России пейзажа (поле, осины, ели…), создают исключительный по эмоциональному воздействию памятник. Большое Заречье называют «русской Хатынью» – по аналогии с Хатынью белорусской, которую постигла та же судьба.

В основе трепетного восприятия военных шрамов лежат и определенные архетипические основания – шрам на теле человека всегда выступал как маркер пережитого, как выражение и свидетель перенесенного страдания. Показательно, что советская (и не только) военная литература содержит многочисленные примеры того, что шрамы на телах солдат и офицеров (а также знаки отличия, свидетельствующие о том, что они имели боевые ранения и контузии) воспринимались как отражение их опыта. Показателен фрагмент из повести Г. Бакланова «Пядь земли»: «Под правой лопаткой у Бабина старый, затянувшийся коричневой кожицей широкий шрам. На плече круглая вмятина толщиной в палец – след пули. Когда он подымает руку – вмятина становится глубже. Весь послужной список на теле, стоит только рубашку снять» [Бакланов, 1988, с. 138-139]. Характерна также сцена из романа К. Симонова «Живые и мертвые»: *«Надя вышла ему навстречу с перекинутым через плечо кухонным полотенцем и, приподнявшись на носки, расцеловалась с ним по-родственному. <...>*

Вон ты какой стал! Майор…

Пересчитала глазами нашивки за ранения.

Сколько же тебя?! <...>

С этими нашивками иногда думаешь: лучше б их не вводили, чтоб и на вопросы не отвечать и самому поменьше помнить» [Симонов, 1989, с. 167].

В том же произведении упоминается, что москвичи, встречаясь с майором-фронтовиком, «с уважением глядели на его четыре боевых ордена, две медали – за Москву и за Сталинград, и шесть нашивок за ранения – три золотых за тяжелые и три красных за легкие» [Симонов, 1989, с. 156].

Представляет также интерес следующий отрывок авторства В. Богомолова: «Фронтовиками – с целью добиться своего – частенько и не

всегда обоснованно предъявлялись претензии, упреки или обвинения мужчинам, находившимся в тылу, в том числе и офицерам <...>. Никому из находившихся в кригере кадровиков вчинить подобное было просто невозможно. У старшего – подтянутого, представительного подполковника с приятным, добродушным лицом, из правого рукава гимнастерки вместо кисти руки торчал обтянутый черной лайкой протез. Вид сидевшего влево от него коренастого темноглазого гвардии майора с зычным громоподобным голосом был без преувеличения страшен: обгорелая, вся в багровых рубцах большая лобастая голова, изуродованная ожогом сверху до затылка и столь же жестоко сбоку, где полностью отсутствовало левое ухо – вместо него краснело маленькое бесформенное отверстие. И наконец, у сидевшего по другую сторону от подполковника загорелого, с пшеничными усами капитана глубокий шрам прорезал щеку от виска до подбородка и, видимо, из-за поврежденной челюсти рот со вставленными стальными зубами был неприглядно скошен набок, и говорил он заметно шепелявя. На гимнастерках у всех троих имелись орденские планки и нашивки за ранения, у гвардии майора целых семь, из них две – желтые» [Богомолов, 2012, с. 768].

Военные шрамы на артефактах в сознании людей выступают как отражение их опыта – подобно шрамам на человеческих телах: «"Шрамы истории", подобно шрамам на теле человека, порой существенно искажая артефакты, порождают новые прочтения их формы, придают им новые смысловые звучания. В данном случае показательным является обряд шрамирования тела человека, включая массу его вариаций в разных культурах, направленных на демонстрацию воинских качеств, выносливости, способности терпеть невзгоды и т. д. Шрам, будучи наглядным свидетельством, становится яркой и убедительной иллюстрацией пережитого» [Леонов, 2019, с. 178]. Шрам являет собой напоминание, пробуждающее, усложняющее и зачастую обогащающее реальность памятника, самостоятельное существование которой на уровне воображения усиливается подкреплением на уровне материальных свидетельств, – потому она порой нуждается в них.

Необходимо указать, что бытующие в настоящее время практики сохранения военных шрамов на памятниках выглядят несколько иначе, нежели полвека назад. Дело в том, что людей, которые помнят Великую Отечественную войну непосредственно, становится все меньше и меньше. Кроме того, сокращается и количество материальных напоминаний о войне. Основная масса наших современников с этим историческим феноменом знакома опосредованно, – через информацию (фильмы, кинохронику, книги и т. п.), материальные свидетельства и воспоминания доживших до наших дней очевидцев тех событий. На этом фоне статус и значимость артефактов, несущих на себе следы воздействия войны, меняются, – они становятся ее прямыми свидетелями и «местами памяти».

Практики сохранения следов войны проявляются и на неофициальном уровне, когда следы войны сохраняются стихийно, нередко при активном содействии жителей тех или иных мест. Например, во время оккупации Ростова-на-Дону немцы размещали в нем уличную навигацию на двух языках. В наши дни во время капитального ремонта на одном из домов была расчищена надпись: «Nikolskaja. Никольская ул». Благодаря усилиям местных активистов этот исторический артефакт был сохранен. Подобные инициативы также могут исходить от общественных, коммерческих организаций, а также от государственных учреждений – в том числе и от тех, которые не связаны прямо со сферой охраны историко-культурного наследия. Например, петербургский «Мостотрест» опубликовал на своем сайте серию снимков набережных и зданий со следами немецких обстрелов; в публикации представлены фотографии повреждений на Кронверкской набережной (участок возле Иоанновского моста), Петровской набережной (участок недалеко от крейсера «Аврора»), Университетской набережной (участок напротив дворца Меншикова), отметины от осколков на цоколе Нового Эрмитажа возле 1-го Зимнего моста. «Хранит память о тех суровых днях гранит и на остальных набережных Санкт-Петербурга (Английская, Дворцовая и др.)» [«Мостотрест» рассказывает … , 2020].

Показательно, что существуют памятники, следы повреждений на которых с высокой вероятностью имеют военное происхождение, но документального подтверждения этому нет; подобные повреждения, например, имеются на Верхнем Лебяжьем мосту, который находится возле Летнего сада (г. Санкт-Петербург), на опорах моста Белинского и прилегающей к нему набережной, на Казанском мосту, на особняке Ванлярлярского и на многих других петербургских памятниках. Авторы статьи полагают, что эти шрамы заслуживают научного изучения – на предмет

установления характера повреждений и времени, когда они произошли. Представляется, что должна быть проведена работа для уточнения природы указанных воздействий (посредством изучения архивных материалов, привлечения экспертов-криминалистов и т. д.); а в будущем такие следы (по крайней мере некоторая их часть) должны получать официальный охранный статус и использоваться в интересах национальной коммеморативной политики.

Вызывает некоторую тревогу, что многие документально подтвержденные и предположительные следы военных воздействий нередко ликвидируются в ходе плановых ремонтов. Так, в последние годы частично были стерты щербины от осколков на особняке Вонлярлярского посредством вставок камня в портал парадного входа. Рядом с одним из корпусов петербургской больницы Петра Великого (ранее больница им. И. И. Мечникова) до недавних пор сохранялись закатанные в асфальт рельсы – остатки трамвайного кольца, которое существовало там в 1916-1967 гг.: в годы Великой Отечественной войны ленинградский трамвай активно использовался для перевозки раненых, в том числе и в больницу им. Мечникова. Рельсы, возможно, находились возле больницы с военных лет – трамвайные рельсы весьма долговечны и зачастую служат десятилетиями. Очевидно, что данный артефакт нуждался в изучении, он должен был стать объектом историко-культурной экспертизы, а возможно, и музеефикации. Но недавно при перекладывании асфальта рельсы из этой локации были удалены. В аналогичном изучении явно нуждаются и опоры контактной сети трамваев на пр. Обуховской обороны, которые в настоящее время находятся под угрозой демонтажа (эти опоры, произведенные еще в дореволюционное время, были установлены в 1920 г. и пережили вместе с Ленинградом-Петербургом все тяготы, лишения и радости последних ста лет), а также некоторые другие петербургские артефакты. К сожалению, известия о ликвидации следов военных воздействий на многих артефактах, способных стать «местами памяти» (а порой и о полном сносе памятников, содержащих военные шрамы), поступают и из других регионов России – из Подмосковья, Волгоградской области...

При этом развитие практик сохранения и музеефикации подобных следов представляется весьма важным и перспективным направлением в сфере работы с культурным наследием и социокультурной инженерии. В последние десятилетия активно развивается такая отрасль исторической науки, как микроистория; существенно возрос интерес к изучению «частного», «локального»; наука начала преодолевать крен в сторону изучения только «большой истории», дополняя ее на «микрособытийном» уровне. По замечанию итальянского историка Д. Леви, «микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях» [Цит. по: Савельева, 2006, с. 661]; будучи правильно поданными, небольшая «щербинка», деталь, эпизод могут стать важными историческими свидетельствами. *Фиксация мест памяти локального уровня* нужна для подкрепления, для усиления того психоэмоционального воздействия, которое производят грандиозные мемориалы (в Санкт-Петербурге это, например, Пискаревское кладбище и мемориал «Защитникам Ленинграда» на пл. Победы). Особенно важным развитие указанных практик представляется в свете того, что в наше время во многих государствах происходит размывание (а порой и злонамеренное искажение) памяти о Второй мировой войне. Для сохранения и межпоколенной трансляции системообразующих ценностно-смысловых установок отечественной культуры, для того, чтобы память о войне была более осязаемой, требуется научно обоснованная и регулярная работа в сфере фиксации, сохранения и соответствующей «подачи» памятных мест разного рода и масштаба. Для подкрепления этого тезиса назовем несколько имеющих отношение к Великой Отечественной войне «локальных» артефактов, которые способны оказывать сильное психоэмоциональное воздействие на широкую публику.

Первый пример – изданная в 1940 г. книга «Два капитана», которая 68 лет пролежала в болоте в Новгородской обл. в сбитом штурмовике «Ил-2» в набедренном кармане комбинезона летчика М. Гаврилова. Останки лейтенанта Гаврилова были найдены в 2010 г. поисковым отрядом «Демянск» и захоронены с воинскими почестями на его родине в Волгоградской обл.; книга же была передана на хранение в музей романа «Два капитана», который действует при Псковской областной библиотеке для детей и юношества им. В. А. Каверина [Возвращение «Двух капитанов», 2020].

Второй пример – маленькая металлическая фигурка матроса-балтийца, которая была обнаружена студенческим поисковым отрядом «Ингрия» на месте боев Великой Отечественной

войны в районе урочища Гайтолово (Кировский район Ленинградской обл.). Детская игрушка, произведенная в 1930-е гг. московской «ИЗО-фабрикой ЦПКиО им. Горького», найдена рядом с останками владельца, идентифицировать которого не удалось. Мы не знаем фамилии, имени и воинского звания этого человека (который, по всем признакам, служил в 73-й морской стрелковой бригаде), не знаем, чем для него была эта игрушка – подарком сына (или, что менее вероятно, младшего брата), талисманом?.. Но этот артефакт (который с 2019 г. экспонируется в петербургском Государственном мемориальном музее Суворова) является для нас еще одним материальным свидетельством подвига защитников Отечества. По словам директора музея В. Е. Гронского, «фигурка с поля боя – это еще и память о предвоенном поколении. Дети с удовольствием играли с такими солдатиками, а когда пришло время, сами защитили и страну, и родной город» [Глезеров, 2020].

Представляет интерес также выставка-панорама «Память говорит. Дорога через войну», которая создана на президентский грант и действует на территории петербургского общественного пространства «Севкабель Порт». В рамках этой выставки представлена экспозиция с солдатскими котелками, которые во время Великой Отечественной войны были неотъемлемыми элементами армейского быта. Многие из этих котелков повреждены – они несут на себе следы от пуль и осколков, обгорели; некоторые котелки совершенно деформированы. За каждым из этих котелков – солдатская судьба…

Таким образом, в настоящее время (при наличии как практик стирания, так и практик сохранения следов войны) востребованность артефактов – носителей военной памяти возрастает, что связано с отдалением данного события во времени и эффективностью практик сохранения «мест памяти» в вопросах преодоления «разрывов с прошлым» [Нора, 1999, с. 17] и поддержания устойчивых представлений об историко-культурном процессе и его отдельных событиях на уровне национального строительства. Разумеется, имеют ценность и достойны сбережения не только отметины, полученные артефактами в 1941-45 гг., но и следы других войн и вооруженных конфликтов. Например, представляет большой интерес вопрос сохранения выбоин от шрапнели на решетке пандуса Октябрьского подъезда Эрмитажа, упомянутых В. В. Нестеровым. Описывая революционные события 1917 г. на Дворцовой площади, автор указывает, что «один снаряд, а точнее стакан или гильза, пробил косяк левого окна над въездными воротами <...> Следы другого выпущенного по дворцу снаряда сохранились и поныне на железных перилах перед “Октябрьским” подъездом. В мягком железе перил при внимательном осмотре насчитывается семь ямок, величиной с каленый орех; ямки различны по величине, но одинаковы по форме. Специально проведенные исследования подтвердили, что это следы шрапнели» [Нестеров, 1968, с. 179-180]. Сведения об артиллерийском обстреле, которому 26 октября 1917 г. подвергался Зимний дворец, и о причиненных этим обстрелом повреждениях приводят и другие авторы [Как стреляли … , 1967]. Еще одним ярким примером артефакта со шрамами является «дом с ядрами» (дом инженер-полковника Савина) в г. Севастополе, в стенах которого сохранено несколько застрявших чугунных ядер времен Крымской войны 1853-56 гг. Указанные боеприпасы после войны намеренно были оставлены в стенах дома его владельцем и являются известной севастопольской достопримечательностью и наглядным свидетельством героической обороны города.

Тем не менее на сегодняшний день ситуация в отношении выбора стратегий работы с рассматриваемыми памятниками остается достаточно сложной – говорить о наличии единственно верной стратегии, применяемой в большинстве случаев, нельзя. Выбор подходящей стратегии в отношении каждого такого памятника носит ситуативный характер и зависит от многих переменных: от степени концентрации шрамированных войной памятников в конкретной локации, от значимости того или иного памятника, от степени его сохранности, от вписанности в определенный ансамбль или ландшафт, от историко-культурной ценности того или иного «слоя» памятника, испытавшего определенные метаморфозы в ходе своей истории, и от многих других обстоятельств. В результате военные следы на одних памятниках ликвидируются, на других сохраняются частично или полностью.

По мнению авторов статьи, одним из действенных способов решения противоречий, существующих между различными практиками сохранения артефактов со следами войн и вооруженных конфликтов, примиряющим разные стратегии сохранения памятников как «свидетелей войны», являеся *фрагментация* данных отметин.

Пример фрагментации военного следа на значимом в художественном и духовном плане памятнике представляет Морской Никольский собор (г. Кронштадт) – главный храм Военно-морского флота России. На полу в храме имеется след, оставленный в 1943 г. неразорвавшимся снарядом; отметина накрыта стеклом, на котором имеется соответствующая разъяснительная надпись. Следы военного опыта можно найти и на других культовых зданиях; так, в Вознесенской церкви (г. Торжок Тверской обл.) во время обороны города в 1941 г. находилась огневая точка, и церковь до сих пор содержит зримые следы тех боев. К сожалению, церковь ныне находится в запустении, и никаких указателей на то, что она является носителем следов военного опыта, на ней не содержится. Между тем фиксация подобных шрамов явно «усиливала» бы культовые здания, иллюстрировала бы многослойность их истории, свидетельствовала бы о неразрывной связи истории Русской Православной церкви с историей страны.

Показательно, что архитектурные объекты с отметинами от снарядов и пуль намеренно сохраняют не только в городах бывшего Советского Союза. Например, в Варшаве можно увидеть здания с отметинами, полученными во время восстаний 1943 и 1944 гг.; следы войны можно найти и на домах Будапешта, Берлина (например, на Музейном острове). Можно найти за границей и здания со следами военного опыта, полученными в гораздо более позднее время: например, в Белграде намеренно не восстанавливают некоторые здания, разрушенные военными стран НАТО во время бомбардировок и ракетных обстрелов в 1999 г.; в боснийском Сараево многие дома содержат повреждения от снарядов, мин и пуль, датированные 1992-1995 гг. Стоит отметить, что заинтересованное отношение к историческим архитектурным руинам – в принципе существенная составляющая европейской культуры, что проявлялось еще с античных времен.

В завершение отметим, что работа в сфере изучения и популяризации артефактов, несущих на себе следы воздействий войн и вооруженных конфликтов, представляется весьма интересной, значимой и перспективной. Будучи многогранной, рассмотренная группа памятников включает артефакты разного масштаба и разной природы – как на единичном, так и на ансамблевом уровне. Одна из типологических подгрупп рассматриваемых памятников представлена оружием, военной техникой и иными феноменами, имеющими отношение к функционированию вооруженных сил (атрибутика, обмундирование и т. д.). Рассмотрению особенностей выявления, сохранения, изучения и популяризации данной подгруппы будет посвящена вторая часть представленной статьи; в фокусе внимания авторов будет экспозиция Центрального Военно-морского музея в Санкт-Петербурге.

Библиографический список

1. Бакланов Г. Я. Пядь земли // Навеки – девятнадцатилетние : повести. Москва : Известия, 1988. С. 5-154.

2. Богомолов В. О. «Жизнь моя, иль ты приснилась мне…». Москва : Книжный клуб 36.6, 2012. 880 с.

3. Возвращение «Двух капитанов» // Официальный сайт Псковской областной библиотеки для детей и юношества им. В. А. Каверина. URL: http://www.kaverin.ru/dva-kapitana/roman/622-vozvrashchenie-dvukh-kapitanov-1 (Дата обращения: 11.09.2020).

4. Глезеров С. Е. В музее Суворова появился самый маленький в мире мемориал защитникам Ленинграда // Санкт-Петербургские ведомости. 24.01.2020. URL: https://spbvedomosti.ru/news/culture/v-muzee-suvorova-poyavilsya-samyy-malenkiy-v-mire-memorial-zashchitnikam-leningrada/ (Дата обращения: 11.09.2020).

5. Гутенберг Р. О. Объект культурного наследия в условиях размещения военного госпиталя: Инженерный замок в 1941-45 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 1 (42). С. 12-17.

6. «Как страшно здесь…» : док. фильм // «Дворцы взорвать и уходить…». 2017. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/62419/episode_id/1573478/video_id/1718310/viewtype/picture/ (Дата обращения: 11.09.2020).

7. Как стреляли по Зимнему дворцу 25 октября 1917 года. Письма канонира-воспламенителя Петроградской отдельной крепостной артиллерийской роты / автор писем В. Н. Смолин ; публикация В. И. Мичкова // Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 4. Москва : Молодая гвардия, 1967. С. 164-173.

8. «Кто заменит Растрелли?» : док. фильм // «Дворцы взорвать и уходить…». 2017. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/62419/episode_id/1576887/video_id/1725649/viewtype/picture/ (Дата обращения: 11.09.2020).

9. Зверев В. В. О толковании основных терминов научной реставрации // ArtConservation. URL: http://art-con.ru/node/1636 (Дата обращения: 11.09.2010).

10. Леонов И. В. «Страдающий» артефакт: основные формы воплощений и особенности восприятия / И. В. Леонов, И. В. Кириллов // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 6 (111). С. 176-183.

11. Лишаев С. А. Эстетика руины // Ежегодник по феноменологической философии. Москва : Издательский центр РГГУ, 2015. С. 87-114.

12. Магомедова О. Б. Опыт воссоздания интерьеров Екатерининского дворца // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 4 (41). С. 70-74.

13. Манаев А. Ю. «Мы возродим тебя, родной Сталинград!»: формирование образа Сталинградской битвы в исторической памяти (1940-1950-е гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2020. Т. 8. № 1. URL: https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2020-1-22/article-0230/ (Дата обращения: 11.09.2020).

14. «Мостотрест» рассказывает, где на набережных и мостах Санкт-Петербурга сохранены следы от снарядов, выпущенных по городу в годы блокады // Официальный сайт СПб ГБУ «Мостотрест». 27.01.2020. URL: https://mostotrest-spb.ru/news/mostotrest-rasskazal-gde-na-naberezhnyh-i-mostah-sankt-827 (Дата обращения: 06.09.2020).

15. Нестеров В. В. Знаешь ли ты свой город? Ленинград : Детская литература, 1968. 224 с.

16. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок ; пер. с фр. Д. Хапаевой. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1999. С. 16-148.

17. Отчет командира 45 I. D. генерал-майора Фрица Шлипера о штурме Брест-Литовска // Алиев Р. В. Брестская крепость. Воспоминания и документы. Москва : Вече, 2010. С. 379-391.

18. Савельева И. М. Знание о прошлом: теория и история : в 2 т. Т. 2. Образы прошлого / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. Санкт-Петербург : Наука, 2006. 749 с.

19. Симонов К. М. Последнее лето // Симонов К. М. Живые и мертвые : роман : в 3-х книгах. Кн. 3. Москва : Художественная литература, 1989. 589 с.

20. Томан И. Б. Из истории культа руин в Европе и России // Актуальные вопросы изучения духовной культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток : материалы конференции. 19 мая 2015 года. Москва ; Ярославль : Редмер, 2015. С. 192-206.

21. Федоров В. В. Феномен архитектурных руин / В. В. Федоров, Е. В. Скибина // Вестник Московского государственного строительного университета. 2013. № 8. С. 7-13.

Reference list

1. Baklanov G. Ja. Pjad' zemli = A square foot of land // Naveki – devjatnadcatiletnie : povesti. Moskva : Izvestija, 1988. S. 5-154.

2. Bogomolov V. O. «Zhizn' moja, il' ty prisnilas' mne…» = «My life, or did I see you in my dream...». Moskva : Knizhnyj klub 36.6, 2012. 880 s.

3. Vozvrashhenie «Dvuh kapitanov» = Return of the «Two Captains» // Oficial'nyj sajt Pskovskoj oblastnoj biblioteki dlja detej i junoshestva im. V. A. Kaverina. URL: http://www.kaverin.ru/dva-kapitana/roman/622-vozvrashchenie-dvukh-kapitanov-1 (Data obrashhenija: 11.09.2020).

4. Glezerov S. E. V muzee Suvorova pojavilsja samyj malen'kij v mire memorial zashhitnikam Leningrada = The smallest memorial in the world to the defenders of Leningrad appeared in the Suvorov Museum // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 24.01.2020. URL: https://spbvedomosti.ru/news/culture/v-muzee-suvorova-poyavilsya-samyy-malenkiy-v-mire-memorial-zashchitnikam-leningrada/ (Data obrashhenija: 11.09.2020).

5. Gutenberg R. O. Ob#ekt kul'turnogo nasledija v uslovijah razmeshhenija voennogo gospitalja: Inzhenernyj zamok v 1941-45 gg. = Object of cultural heritage in the conditions of a military hospital: Engineering Castle in 1941-45 // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. 2020. № 1 (42). S. 12-17.

6. «Kak strashno zdes'…» = «How scary it is here...»: dok. fil'm // «Dvorcy vzorvat' i uhodit'…». 2017. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/62419/episode_id/1573478/video_id/1718310/viewtype/picture/ (Data obrashhenija: 11.09.2020).

7. Kak streljali po Zimnemu dvorcu 25 oktjabrja 1917 goda. Pis'ma kanonira-vosplamenitelja Petrogradskoj otdel'noj krepostnoj artillerijskoj roty = How they shot at the Winter Palace on October 25, 1917. Letters of the gunner-igniter of the Petrograd separate fortress artillery company / avtor pisem V. N. Smolin ; publikacija V. I. Michkova // Prometej. Istoriko-biograficheskij al'manah serii «Zhizn' zamechatel'nyh ljudej». T. 4. Moskva : Molodaja gvardija, 1967. S. 164-173.

8. «Kto zamenit Rastrelli?» = «Who will replace Rastrelli?» : dok. fil'm // «Dvorcy vzorvat' i uhodit'…». 2017. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/62419/episode_id/1576887/video_id/1725649/viewtype/picture/ (Data obrashhenija: 11.09.2020).

9. Zverev V. V. O tolkovanii osnovnyh terminov nauchnoj restavracii = On the interpretation of the main terms of scientific restoration // ArtConservation. URL: http://art-con.ru/node/1636 (Data obrashhenija: 11.09.2010).

10. Leonov I. V. «Stradajushhij» artefakt: osnovnye formy voploshhenij i osobennosti vosprijatija «Suffering» artifact: the main forms of incarnations and features of perception / I. V. Leonov, I. V. Kirillov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2019. № 6 (111). S. 176-183.

11. Lishaev S. A. Jestetika ruiny = Aesthetics of ruins // Ezhegodnik po fenomenologicheskoj filosofii. Moskva : Izdatel'skij centr RGGU, 2015. S. 87-114.

12. Magomedova O. B. Opyt vossozdanija inter'erov Ekaterininskogo dvorca = Experience of recreating the interiors of the Catherine Palace // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. 2019. № 4 (41). C. 70-74.

13. Manaev A. Ju. «My vozrodim tebja, rodnoj Stalingrad!»: formirovanie obraza Stalingradskoj bitvy v istoricheskoj pamjati (1940-1950-e gg.) = «We will revive you, native Stalingrad!»: the formation of the image of the Battle of Stalingrad in historical memory (1940-1950s) // Nauka. Obshhestvo. Oborona. 2020. T. 8. № 1. URL: https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2020-1-22/article-0230/ (Data obrashhenija: 11.09.2020).

14. «Mostotrest» rasskazyvaet, gde na naberezhnyh i mostah Sankt-Peterburga sohraneny sledy ot snarjadov, vypushhennyh po gorodu v gody blokady «Mostotrest» tells where traces of shells fired at the city during the blockade are preserved on the embankments and bridges of St. Petersburg // Oficial'nyj sajt SPb GBU «Mostotrest». 27.01.2020. URL: https://mostotrest-spb.ru/news/mostotrest-rasskazal-gde-na-naberezhnyh-i-mostah-sankt-827 (Data obrashhenija: 06.09.2020).

15. Nesterov V. V. Znaesh' li ty svoj gorod? = Do you know your city? Leningrad : Detskaja literatura, 1968. 224 s.

16. Nora P. Mezhdu pamjat'ju i istoriej. Problematika mest pamjati = Between memory and history. Memory space issues // Francija-pamjat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pjuimezh, M. Vinok ; per. s fr. D. Hapaevoj. Sankt-Peterburg : Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta, 1999. S. 16-148.

17. Otchet komandira 45 I. D. general-majora Frica Shlipera o shturme Brest-Litovska = Report of Commander 45 I. D. Major General Fritz Schlieper on the assault of Brest-Litovsk // Aliev R. V. Brestskaja krepost'. Vospominanija i dokumenty. Moskva : Veche, 2010. S. 379-391.

18. Savel'eva I. M. Znanie o proshlom: teorija i istorija = Knowledge of the past: theory and history: v 2 t. T. 2. Obrazy proshlogo / I. M. Savel'eva, A. V. Poletaev. Sankt-Peterburg : Nauka, 2006. 749 s.

19. Simonov K. M. Poslednee leto = Last summer // Simonov K. M. Zhivye i mertvye : roman : v 3-h knigah. Kn. 3. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1989. 589 s.

20. Toman I. B. Iz istorii kul'ta ruin v Evrope i Rossii = From the history of the cult of ruins in Europe and Russia // Aktual'nye voprosy izuchenija duhovnoj kul'tury v kontekste dialoga civilizacij: Rossija – Zapad – Vostok : materialy konferencii. 19 maja 2015 goda. Moskva ; Jaroslavl' : Redmer, 2015. S. 192-206.

21. Fedorov V. V. Fenomen arhitekturnyh ruin = The phenomenon of architectural ruins / V. V. Fedorov, E. V. Skibina // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo stroitel'nogo universiteta. 2013. № 8. S. 7-13.